

— выдвинул
визит —
время в
американ
руковод
всей сов
ими его д
мыводил
инград

е еруба
дверью
абсолют

**Дневник
Серафимы Николаевны
Балаевой, известного
музейного деятеля
России — это хроника
жизни Гатчинского
дворца-музея.**

Записи охватывают один из сложнейших и трагических этапов в истории самого дворца и всего музейного дела нашей страны в период с 1924 по 1956 год. Этот временной отрезок совпадает с началом музейного строительства в СССР. Но это и время национализации огромного количества частных собраний, которые дополнили коллекции вновь возникших после революции музеев. Это время распродажи музейных ценностей за границу, благодаря которой Советский Союз намеревался поднять индустриальную базу страны. Наконец, это страшные годы войны, нанесшие невосполнимый урон дворцам-музеям и всему культурному достоянию России. Решения советского правительства о восстановлении после войны таких пригородных ансамблей, как Петергоф, Пушкин, Павловск и забвении других, среди которых, к несчастью, оказалась и Гатчина, исказило облик пригородов, искалечило не только исторические памятники, но и человеческие судьбы. Вернувшиеся из эвакуации и возвращенные после войны в страну художественные ценности были помещены не в свои «родные» коллекции, а распределены в другие музеи. Огромный ущерб Гатчинскому дворцу был нанесен во время размещения в нем в послевоенные годы государственных учреждений, не связанных с культурно-просветительской деятельностью. Причины, по которым реставрация Гатчинского дворца была отложена, зависели, в основном, не от сохранности здания. Гатчинский дворец не укладывался в схему советского музееведения. Все эти и многие другие события указанного временного периода так или иначе отражены в дневниках С. Н. Балаевой.

Впервые отрывки дневника С. Н. Балаевой были опубликованы в книге «Подвиг века», вышедшей в 1969 году. В ней подчеркивалось, что ни один из величайших музеев мира не имел в своей биографии страниц, похожих на пережитое музеями Ленинграда.

Настоящее издание дневников С. Н. Балаевой принципиально отличается от других подобных публикаций, посвященных музейной теме, так как они публикуются полностью без купюр.

С. Н. Балаева

чине 15 июня 1919 года⁵. Следует отметить, что в это время в стране идет гражданская война. Белая армия генерала Юденича рвется к Петрограду и 17 октября занимает Гатчину. Город остается на осадном положении до 2 ноября 1919 года. Покидая Гатчину, войска Юденича прихватили с собой некоторое количество дворцового имущества⁶.

В 1927 году С. Н. Балаева становится помощником хранителя музея⁷. Записи в дневнике С. Н. Балаевой прерываются 1928 годом, когда полным ходом в Гатчинском дворце работают комиссии по отбору вещей в Государственный Музейный Фонд и Антиквариат⁸. В результате их деятельности из Гатчинского дворца «ушло» свыше 100 тысяч первоклассных музейных предметов. Сотрудники музея, пытавшиеся спасти музейные сокровища, были уволены и репрессированы. В 1928 году В. К. Макаров, рьяно сопротивлявшийся продаже ценнейших коллекций, был снят с работы и отправлен в ссылку в Череповецкий уезд⁹. В том же году в течение 11 дней находилась под арестом его ученица, помощница и преданный друг С. Н. Балаева¹⁰. 24 марта 1928 года она записывает в дневнике: «Собрание научных сотрудников <...>. Постановлено довести до сведения Ятманова [Инспектора музейных учреждений Ленинграда и области – Т. Л.] и обратиться в Секцию Научных Работников за реабилитацией¹¹. – Визит к доктору, неутешительные сведения – неврастения, невроз, расширение сердца и т. д., требуют немедленно прекратить работу и на продолжительное время. Не время!». Записи в дневнике возобновляются 15 февраля 1931 года, когда она снова активно работает в музее. 1 апреля 1933 года С. Н. Балаева становится научным сотрудником первого разряда, а уже через месяц 7 мая 1933 года – переведена заведующей художественным сектором¹².

Серафима Николаевна была высокообразованным человеком, в совершенстве владела француз-

Серафима Николаевна Балаева родилась 22 марта 1889 году в Санкт-Петербурге. Дочь дворянина, известного в предреволюционном Петербурге прогрессивного педагога, преподавателя русского языка и литературы Николая Васильевича Балаева и учительницы городской начальной школы Серафимы Ивановны Балаевой (Стражевой) она получила хорошее образование. В 1905 году С. Н. Балаева окончила Василеостровскую Женскую гимназию и поступила на курсы П. Ф. Лесгафта, где занималась до 1907 года, когда они были закрыты царским правительством. В 1907 году С. Н. Балаева перешла на знаменитые Высшие Женские (Бестужевские) курсы (Историко-филологическое отделение, группа русской истории), которые окончила в 1911 году¹.

С 1911 по 1919 год Серафима Николаевна преподавала в Частной женской гимназии М. Д. Могилянской в Петрограде², председателем педагогического совета которой был ее отец. В течении шести лет, с 1911 по 1917 год, в этой же школе в качестве преподавателя истории работал Владимир Кузьмич Макаров³, талантливый искусствовед, человек больших разносторонних знаний, хранитель Гатчинского дворца с 1918 по 1928 год. Позже В. К. Макаров стал учителем С. Н. Балаевой в музейном деле⁴. С. Н. Балаева начала работать в Гат-

ским языком, читала поэзию и с восторгом относилась к профессионализму. В 1941 году. Работа по количеству отечественными костюма. 25 ее приходится спе

Никто не знал, как до Гатчины, что в экспозиции музейных предметов совершенным. Приходилось отбирать вещи, которые мог только член коллекций. Известно, что надвинулось само с мужеством и в этих строках в потребности женной до предел

22 августа 1941 года до сих пор в бомбежке пешком, покидали здания дальнейшей суются налеты, немецкие Кухонного каре, эвакуируется миллионы трудников дворца

Тетради рабочего 1941 года Серафима другими работниками Мельничный р о том, что было в состоянии был по описи оставленных сотрудниках, вые

Бывший директор музея с дворцов и парком многие и не могли пригородах. Канго собора. Там же и просушивали (занят был каждо

Дневниковые за хранительскую в строках этого сших коллег и з года дневников ром для работни

Балаева родилась 22 августа 1898 года в Санкт-Петербурге. Дочь известного педагога, преподавателя литературы Николая Николаевича Балаева и учительницы голландского языка Серафимы Ивановны (в девичестве) она получила хорошее образование. В 1905 году С. Н. Балаева окончила Женскую гимназию в Петербурге по курсу П. Ф. Лесгафта, в 1907 году — Высшие курсы (Историко-педагогическое отделение, группа русской литературы) в 1911 году¹.

Серафима Николаевна работала в женской гимназии в Петербурге, председателем педагогического совета которой была с 1911 по 1917 год, в это время преподавала французский язык. В 1918 году по приглашению Мир Кузьмича Макарова², известного педагога, человека больших знаний, хранителя Гатчинского дворца, переехала в Гатчину. Позже В. К. Мамонтова³ и С. Н. Балаевой в музейно-исследовательском центре начала работать в Гатчине в 1928 году. В 1928 году началась гражданская война. Гатчину оставил Оденнича захватили с

и в дневнике С. Н. Балаевой описаны их деятельности по сохранению памятников культуры. Сотрудники музеев переведены на казарменный режим. В 1928 году снята с работы и отпущена под арестом. В 1929 году она записывает в дневнике сведения Ятманова о состоянии музея в Секцию Научных исследований. В 1930 году — невралгия, невроз, тяжелое время. Не работала активно работает в первом разряде, а уже в 1931 году — в первом¹².

Серафима Николаевна владела француз-

ским языком, читала на английском и немецком. Она регулярно посещала Ленинградскую Филармонию и с восторгом отзывалась об исполнителях классических произведений. Об ее высоком профессионализме мы можем судить и по тому, как основательно она готовит выставку костюма 1941 года. Работая в библиотеках и музеях Ленинграда, С. Н. Балаева просматривает огромное количество отечественной и иностранной литературы, встречается с консультантами и реставраторами костюма. 25 мая 1941 года выставка, наконец, открыта. Менее чем через месяц, 22 июня 1941 года, ее приходится спешно разбирать в связи с началом войны.

Никто не знал, как долго продлится война, никто представить не мог, что вражеские войска дойдут до Гатчины, что впереди их всех ждут страдания и горе. Существовавший план частичной эвакуации музейных предметов, разработанный в рамках мобилизации на случай войны, оказался несовершенным. Приходилось корректировать его в условиях общей паники и неразберихи, срочно отбирать вещи, которые нужно было эвакуировать в первую очередь. Разобраться в такой ситуации мог только человек, обладавший большим мужеством и доскональным знанием гатчинских коллекций. Известный историк и искусствовед, сотрудник Эрмитажа В. М. Глинка писал: «Когда надвинулось самое страшное из возможных испытаний — война, Серафима Николаевна выдержала его с мужеством и достоинством. До нас дошли лишь страницы ее служебных дневников. Из скупых строк в потрепанных тетрадях встают трагические образы войны. Эти дни были полны напряженной до предела работой с рассвета до темноты»¹³.

22 августа 1941 года было объявлено о вынужденной эвакуации населения Гатчины. Оставшиеся до сих пор в бомбоубежище дворца сотрудники и жители города спешно, кто как мог, в основном пешком, покидали город. С. Н. Балаева пишет в дневнике: «Решаю попытаться остаться до выяснения дальнейшей судьбы дворца». Лишь 9 сентября, когда с самого утра над Гатчиной не прекращаются налеты, немецкие самолеты сбрасывают листовки на русском языке, бомбой повреждена башня Кухонного каре, бомбы падают на плац перед дворцом, бомбят и город, в Гатчине много пожаров — эвакуируется милиция и комендант города, а в половине десятого вечера небольшая группа сотрудников дворца вместе с Балаевой уходит из Гатчины пешком в Ленинград.

Тетради рабочего дневника С. Н. Балаевой за 1941–1943 год полны драматизма. В конце сентября 1941 года Серафима Николаевна работала на оборонительных укреплениях Ленинграда, вместе с другими работниками культурно-просветительных предприятий Ленинграда рыла окопы в поселке Мельничный ручей. Вернувшись 1 октября 1941 года в город, она пишет многочисленные отчеты о том, что было сделано в Гатчинском дворце во время эвакуации музейных ценностей, в каком состоянии был покинут дворец, составляет списки вывезенных предметов, делает покомнатные описи оставленных вещей, чертит таблицы захоронений парковой скульптуры, подает сведения о сотрудниках, выехавших в тыл в качестве сопровождающих гатчинские эшелоны.

Бывший директор Павловского дворца-музея А. И. Зеленова вспоминает, что все сотрудники — хранители музеев с первого же дня своего прибытия из пригородов были приказом по Управлению дворцов и парков Ленинграда переведены на казарменный режим. Домой они отлучались редко, а многие и не могли никуда уехать, так как не имели своего дома в Ленинграде, а жили до войны в пригородах. Канцелярия и научная часть располагались в боковых притворах алтаря Исаакиевского собора. Там же была сооружена маленькая круглая печурка-«буржуйка», на которой грели воду и просушивали блокадную норму хлеба. Спали на досках, укрываясь одеждой. В подвалах Исаакия занят был каждый закут, каждая ниша¹⁴.

Дневниковые записи С. Н. Балаевой за ноябрь–декабрь 1941 года кратко описывают ежедневную хранительскую и даже научную работу. В конце декабря 1941 записи прерываются. В последних строках этого страшного блокадного месяца Серафима Николаевна перечисляет фамилии умерших коллег и знакомых, не вынесших мучительного голода и жестоких морозов. За январь 1942 года дневниковые записи отсутствуют. С 4 февраля по 16 марта С. Н. Балаева заведует Стационаром для работников культуры, организованным в Музее истории и развития Ленинграда¹⁵, а 17 марта

1942 года Серафима Николаевна возвращается на музейную работу в Исаакиевский собор, где продолжает вести свой скупой репортаж – дневник блокады.

Переживший блокаду сотрудник Эрмитажа В. М. Глинка пишет: «Я убежден, что вести подневные записи можно было до декабря 1941 года и, начиная с мая 1942 года. В промежутках между этими датами нормальный человек, не получавший особого продовольственного снабжения, которое он бы ел, воровски прячась от близких и окружающих, не мог бы и думать о записывании того, что видел. Или он не был бы человеком, а чудовищем бездушным, сейсмографом, механически запечатлевшим то, что не отражает окружающей его трагедии»¹⁶. Возможно, что эти слова оправдывают краткость записей С. Н. Балаевой, которая и не стремится описать творящийся вокруг ужас. Служебный дневник Серафимы Николаевны свидетельствует лишь, что она и ее коллеги продолжали выполнять свои обязанности.

Хочется привести и следующие строки, написанные А. И. Зеленовой о С. Н. Балаевой: «Серафима Николаевна Балаева возглавляла гатчинскую группу хранителей, а ее верным соратником и помощником была Ирина Константиновна Янченко. Обе служили для нас примером мужества, стойкости и трудолюбия. Их лозунг: “Не говорить о еде!” – помог нам не поддаться гастрономическим галлюцинациям, которыми страдали некоторые блокадники»¹⁷.

Другая коллега по цеху С. Н. Балаевой М. А. Тихомирова, бывшая главным хранителем музея в Петродворце после войны, в своей книге «Памятники. Люди. События» отмечает, что Серафима Николаевна пользовалась большим авторитетом среди «населения Исаакия». Она была старшей среди научных сотрудников по возрасту и руководила тогда всеми хранительскими работами. «Уже двадцать лет к тому времени проработала она в своей любимой Гатчине, ее глубокие знания в области хранения сыграли очень большую роль в нашей общей работе. Энергия, спокойное мужество, преданность своему делу этой уже пожилой, маленькой и на вид слабой женщины были поистине удивительны. Всегда очень сдержанная, собранная и аккуратная до педантизма во всем, что касалось дела, она и от каждого из нас требовала такой скрупулезной точности, как будто мы работали в хорошо оборудованном музее мирного времени. Никаких скидок на необычные условия она не допускала и, наоборот, постоянно подчеркивала, что они лишь налагают на нас особые обязательства. Даже под обстрелом ходила она деловито, относясь к ним как к всего лишь досадной помехе, нарушающей распорядок дня. Серафима Николаевна была прекрасным организатором. <...> Каждый из нас, отвечая за свой фонд, работал преимущественно с ним, приводя в порядок и его документацию. Но Балаева устанавливает общую очередность проверки, а затем и просушки вещей из наиболее «аварийных» ящиков. Тогда уже мы все работали вместе, сообща спасая очередную «Павловск», «Пушкин» или «Петергоф». Сама же она была неутомима в этой борьбе за жизнь вещей. И даже в весенние теплые дни 1943 года, когда каждый ленинградец стремился хоть немного погреться на солнце, а наш собор, по чьему-то меткому выражению, был «настоящей живой могилкой», она часто уходила туда для «внеочередной» проверки. Слышалось, как звенели ее мелкие быстрые шаги на каменных плитах. А потом видно было через открытые настежь двери собора, как она, маленькая, легкая в движениях, несмотря на неуклюжий ватник, ловко пробирается в полумраке по узким проходам между ящиками, просовывая руку в их щели и определяя на ощупь присутствие предательской сырости...»¹⁸.

В те дни и месяцы, когда Ленинград стоял на краю гибели, жители замерзли в своих домах, С. Н. Балаева и ее коллеги решали, казалось, вполне мирные дела. Трудной осенью 1943 года Серафима Николаевна делает на страницах дневника сводный отчет о состоянии влажности и температуры за весь 1943 год. Не зная, сколько еще продлится война, хотя до освобождения ее любимой Гатчины остается уже совсем немного, она пытается приспособить вещи и психологически настроить небольшой кружок музейщиков, «население Исаакия», на грамотную хранительскую работу. В этом будничном акте и вера, и оптимизм, и сила духа музейного служащего, спасшего и сохранившего нам бесценные национальные сокровища.

За свой подвижнический труд во время Великой Отечественной войны С. Н. Балаева была награж-

дена медалями «Знак отличия».²⁶ января 1945 года С. Н. Балаева вместе с другими сотрудниками Эрмитажа переехала в Павловский дворец.

После войны Серафима Николаевна в 1945 году она совмещала обязанности директора по научной части с Серафимой Николаевной Балаевой в своем горном двореце.

К 1949–1950 годам Серафима Николаевна работала директором по научной части в Павловском дворце. Несмотря на напряженную работу в 1948–1951 годовое время военные действия на территории Гатчинского дворца. В январе 1950 года Серафима Николаевна была назначена директором Павловского городского отдела.

С 1950 года Серафима Николаевна работала в Павловском дворце. Во время работы в Павловском дворце-музее переехала в Павловский парк.

аакиевский собор, где

и, что вести подневные
межутках между этими
снабжения, которое он
записывании того, что
механически запечат
ти слова оправдывают
ийся вокруг ужас. Слу
е коллеги продолжили

Балаевой: «Серафима
ным соратником и по
мером мужества, стой
ься гастрономическим

анителем музея в Пет
т, что Серафима Нико
а была старшей среди
работами. «Уже двад
юкие знания в области
ойное мужество, пре
щины были поистине
зма во всем, что каса
как будто мы работали
ычные условия она не
ас особые обязатель
ишь досадной помехе,
низатором. <...> Каж
в порядок и его доку
и просушки вещей из
асая очередной «Пав
бе за жизнь вещей. И
лся хоть немного по
стоящей живой моги
к звенели ее мелкие
ежь двери собора, как
пробирается в полу
еделая на ощупь при-

зали в своих домах,
ой осенью 1943 года
нии влажности и тем
обождения ее люби
ди и психологически
тную хранительскую
ужающего, спасшего и

алаева была награж-

Могила С. Н. Балаевой на Большеохтинском
кладбище. 2004 г. Фото Н. Ю. Бахаревой

дена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великую Отечественную войну». 26 января 1944 года Гатчина, наконец, была освобождена советскими войсками и 31 января С. Н. Балаева вместе с группой других музейщиков впервые после ухода немцев увидела Гатчинский дворец.

После войны Серафима Николаевна работает в Гатчине сначала старшим научным сотрудником, а с 1945 года она совмещает должность главного хранителя с исполнением обязанностей заместителя директора по научной части. В январе 1951 ей предложили вступить в партию. Но, вероятно, Серафима Николаевна, воспитанная в дореволюционных традициях, более ценила преданность своему делу, своему городу, Гатчинскому дворцу. По этой или по какой-то другой неведомой нам сегодня причине она так навсегда и осталась беспартийной.

К 1949–1950 годам было окончательно принято решение Гатчинский дворец не восстанавливать. Насколько напряженной были годы борьбы за дворец рассказывают строки дневника. В течении 1948–1951 годов его неоднократно осматривают представители различных Министерств. Все это время военные арендуют уцелевшие парковые павильоны Птичник и Ферму, а также огромное Кухонное каре Гатчинского дворца, нанося непоправимый ущерб и без того разрушенному зданию. В январе 1950 года во дворец приезжает многочисленная комиссия. Становится определенно ясно, что дворец будет передан Министерству обороны. В 1951 году дворец был изъят из ведомства Городского отдела культурно-просветительной работы Ленинграда почти на 40 лет.

С 1950 года Серафима Николаевна много и подолгу болела. 20 июля 1951 года она перенесла инфаркт. Во время ее отсутствия дворец был передан морякам для размещения в нем Высшего военно-морского инженерного радиотехнического училища (ВВМИРТУ)¹⁹. Дирекция Гатчинского дворца-музея переехала в здание Птичника. С. Н. Балаева поселилась в егерском домике в глубине парка.

Серафима Николаевна была одиноким человеком. Одиночество ее скрашивалось интересной, часто очень сложной и трудной работой в Гатчинском дворце, несколько поколений сотрудников которого она взрастила, помогая им стать профессиональными музейщиками. Главной ее привязанностью около сорока лет был замечательный памятник искусства – Гатчинский дворец. Люди, хорошо знавшие Серафиму Николаевну, были уверены, что гибель Гатчинского дворца-музея явилась тем страшным ударом, от которого она так и не смогла оправиться²⁰.

Дополнительным ударом по здоровью С. Н. Балаевой стали должностные пертурбации в музее. В связи с переменами в принадлежности дворца в течение 1951-1952 годов пытаются сократить и главного хранителя Гатчинского дворца-музея и парка С. Н. Балаеву. В августе 1952 года ставка главного хранителя была сокращена и С. Н. Балаева была уволена. 9 сентября 1952 года С. Н. Балаева переведена на должность лектора-экскурсовода, а 20 ноября того же года она восстановлена в должности главного хранителя Гатчинского парка. Все это не могло не отразиться на психологическом и физическом состоянии здоровья Серафимы Николаевны. В 1953 и в 1954 годах она снова и подолгу болеет.

И тем не менее, в дневниках 1951-1956 годов чувствуется трепетное отношение Серафимы Николаевны и других сотрудников музея к дворцовому парку. Они стараются сберечь каждое дерево, занимаются лечением больных деревьев, восстанавливают историческую планировку, добиваются восстановления парковых павильонов. Потеряв дворец, С. Н. Балаева вкладывает все свои силы в изучение и сохранение Гатчинского парка.

9 октября 1956 года С. Н. Балаева была уволена с должности главного хранителя, уже окончательно, в связи с переходом на пенсию²¹. К этому времени приходит еще одно потрясение: ей становится известно, что родительский дом на Васильевском острове, в котором она жила многие годы, сначала с отцом и матерью, затем с сестрой Верой, позже с племянницей, готовится к сносу²². В 1959 году дом № 46 по 7-й линии Васильевского острова был расселен, а в 1960 – снесен. Куда переехала С. Н. Балаева, нам не известно. На месте дома в Ленинграде была построена станция метро «Василеостровская».

Снесен дом. Нет больше дворца-музея. 22 мая 1960 года Серафима Николаевна Балаева умирает. Похоронили ее на Большеохтинском кладбище. Некролога не было не только в ленинградских, но и в гатчинских газетах. Спустя некоторое время на могиле С. Н. Балаевой был установлен памятник, сделанный по проекту известного архитектора-реставратора А. А. Кедринского, отдавшего дань памяти С. Н. Балаевой от имени Гатчинского музея²³.

Данью памяти Серафиме Николаевне можно считать и следующие строки М. А. Тихомировой: «Давно уже нет с нами С. Н. Балаевой, которую по справедливости можно назвать душой Гатчины. Она скончалась <...>, отдав Гатчине почти сорок лет жизни и умного, целеустремленного служения своему делу, оставив по себе глубокую и светлую память у всех, кто работал с нею. Ведь в те нелегкие первые послевоенные годы все мы обращались к ней, к ее опыту, и многое в наших реставрационных затруднениях облегчали ее советы и помощь...»²⁴.

Кроме глубокой и светлой памяти, Серафима Николаевна оставила потомкам и свои рабочие дневники, которые сохранили бережные руки музейных хранителей²⁵. Авторы-составители этого издания, со своей стороны, надеются, что публикация дневников Серафимы Николаевны Балаевой внесет значительный вклад в историю отечественного музееведения и поможет понять некоторые трагические повороты нашей истории. Дневник С. Н. Балаевой, являясь памятником советской эпохи, а также летописью Гатчинского дворца-музея, будет интересен историкам, музейщикам, людям, пережившим ленинградскую блокаду и войну, а также, конечно, жителям г. Гатчины.

*Научный сотрудник ГМЗ «Гатчина»
Татьяна Анатольевна Литвин.*

ивалось интересной, часто
полений сотрудников кото-
и. Главной ее привязанно-
ский дворец. Люди, хорошо
дворца-музея явилась тем

ые пертурбации в музее. В
одов пытаются сократить и
В августе 1952 года ставка
сентября 1952 года С. Н. Ба-
о же года она восстановле-
не отразиться на психоло-
В 1953 и в 1954 годах она

отношение Серафимы Нико-
гса сберечь каждое дерево,
ую планировку, добиваются
вкладывает все свои силы в

хранителя, уже окончатель-
но потрясение: ей становит-
ром она жила многие годы,
ицей, готовится к сносу²². В
ен, а в 1960 – снесен. Куда
де была построена станция

иколаевна Балаева умирает.
е только в ленинградских, но
евоу был установлен памят-
Кедринского, отдавшего дань

и М. А. Тихомировой: «Давно
назвать душою Гатчины. Она
стремленного служения сво-
гал с нею. Ведь в те нелегкие
ное в наших реставрацион-

томкам и свои рабочие днев-
оры-составители этого изда-
ны Николаевны Балаевой вне-
поможет понять некоторые
таясь памятником советской
историкам, музейщикам, лю-
жителям г. Гатчины.

нный сотрудник ГМЗ «Гатчина»
ьяна Анатольевна Литвин.

¹ Многие сведения почерпнуты из личного дела С.Н.Балаевой, хранящегося в Объединенном междуведомственном архиве культуры, далее ОМАК, ф. 109, д. 181.

² Научно-вспомогательный архив (НВА) ГДМ № 1610, Трудовой список С.Н. Балаевой 1927 г. Л. 1.

³ В фонде В. К. Макарова в Отделе рукописей РНБ сохранилась недатированная справка, подписанная отцом С. Н. Балаевой: «Мы нижеподписавшиеся, удостоверяем, что Владимир Кузьмич Макаров с 13 августа 1911 г. по 1 июня 1917 г. состоял преподавателем истории в старших классах «Василеостровской Новой школы» (женской 8-ми классной гимназии, открытой в Ленинграде по 4 линии Васильевского острова в доме № 43 Товариществом учителей на имя М. Д. Могилянкой). Бывший председатель Педагогического Совета Гимназии, ныне преподаватель 222 школы в Ленинграде Н. В. Балаев». ОР РНБ. Ф. 1135. В.К.Макаров. Д. № 9. Л. 11.

⁴ Об этом пишет В.М.Глинка. См.: Снаряды рвутся в Гатчине. // Подвиг века. Л., 1969. С. 16.

⁵ ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 6. Приказы по управлению Гатчинским дворцом; НВА ГДМ № 1610, Трудовой список С.Н.Балаевой 1927 г. Л. 1.

⁶ Рузов Л.В., Яблочкин Ю.Н. Гатчина. Исторический очерк. Лениздат, 1959. С. 147-149.

⁷ НВА ГДМ № 1610, Трудовой список С.Н.Балаевой 1927 г. Л. 2.

⁸ Антиквариат – Государственная импортно-экспортная торговая контора Госторга РСФСР (1925-1928). Главная контора Госторга РСФСР по скупке и реализации антикварных вещей «Антиквариат» (1929-1930). Всесоюзная Государственная торговая контора «Антиквариат» Наркомторга СССР (1931-1937). См.: А.М.Кучумов. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб, Арт-Палас, 2004. С. 42. [примечания Р.Р.Гафифуллина.]

⁹ Третьяков Н.С. У истоков музея в Гатчинском дворце. // Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб., 1994. С. 369.

¹⁰ Объединенный междуведомственный архив культуры (далее ОМАК), Ф. 109, д. 181 (Личное дело С.Н.Балаевой, 12 июня 1944 – 9 октября 1956 гг.), анкетный лист от 17 марта 1945 г., л.1.

¹¹ Балаева являлась членом Секции научных работников с 1923 г. Речь, вероятно, идет о реабилитациисамой Серафимы Николаевны.

¹² НВА ГДМ № 1610, Трудовой список С.Н.Балаевой 1927 г. Л. 2.

¹³ Глинка В.М. См.: Снаряды рвутся в Гатчине. // Подвиг века. С. 16.

¹⁴ Из воспоминаний А.И.Зеленовой. Снаряды рвутся в Павловске. // Подвиг века. С. 25.

¹⁵ О том, что С.Н.Балаева была назначена заведующей стационаром, пишет в своих воспоминаниях А.И.Зеленова. См.: Елкина А. Сделайте это для меня. СПб., «Знание», 2005 г. С. 155.

¹⁶ Хранитель. Статьи. Письма. Проза. К 100-летию со дня рождения В.М. Глинки. 000 «Издательство «АРС», 2003. С. 367.

¹⁷ Зеленова А.И. Снаряды рвутся в Павловске. // Подвиг Века. С. 27.

¹⁸ Тихомирова М. Памятники, люди, события. С. 13-15.

¹⁹ Постановление Совета Министров Союза ССР о создании ВВМИРТУ за № 253-120 от 27 января 1953 года. В соответствии с этим Постановлением Военно-морской министр издает приказ от 5.02.53 г. за № 00106 о формировании ВВМИРТУ в г. Гатчина с численным составом 1000 человек в составе корабельного факультета, авиационного факультета и факультета ПВО.

²⁰ Так, например, пишет В.М. Глинка. См. Глинка В.М. Подвиг века. С. 16.

²¹ ОМАК, ф. 109, оп. 2, Д. 181, л. 45.

²² Сведения о доме, в котором жила С.Н.Балаева, почерпнуты нами из справки, составленной А.Г.Рейнфельдом в 1991 г. Рукопись хранится в краеведческом отделе библиотеки им. Л.Н.Толстого в СПб, 6-я линия д. 23.

²³ На плане Большеохтинского кладбища рукой Ии Васильевны Соловьевой указано место погребения Балаевой, а также сделана запись об авторстве памятника. План хранится в научном архиве ГДМ. Известный архитектор-реставратор А.А.Кедринский работал в ГДМ в 1960-1962 гг., когда, по-видимому, и был установлен этот памятник.

²⁴ Тихомирова М.А. Указ. соч., с. 79.

²⁵ Надпись на первой странице дневника С.Н.Балаевой (тетрадь за 1924-1939 гг.), сделанная рукой А.С.Елкиной, сообщает, что дневник Серафимы Николаевны хранился в семье В.М.Глинки. Глинка и его супруга Марьяна Евгеньевна подарили его А.С.Елкиной, главному хранителю Гатчинского дворца и парка, 4 апреля 1967 года.